

Цинь Юэфан улыбнулся еще шире. Это зрелище, сколько на него ни смотри, пленяло и не отпускало.

В горле пересохло, и он протянул руку к юноше.

— Иди ко мне.

Он выглядел как властитель преисподней, возвышающийся над миром, а улыбка на его губах была подобна милосердию самого Смерти. Фан Еинь слегка закусил губу, сглотнул вязкую слюну и шаг за шагом двинулся навстречу темнице, которую выстроил для него «он сам».

Бежевая верхняя одежда была сброшена на пол. Оказавшись на открытом воздухе, кожа невольно покрылась мурашками.

Фан Еинь покорно подошел и опустился к нему на колени. От тепла его тела холод начал постепенно отступать, однако Фан Еинь чувствовал, как это тепло проникает сквозь плоть, просачиваясь вглубь, просачиваясь в желудок, в сердце, в самые внутренности.

Это было так же отвратительно, словно сидеть в груди сырого мяса.

Цинь Юэфан одной рукой обнял его за голову, пальцами подцепил прядь волос и стал задумчиво наматывать на палец, а другая его рука беспокойно замерла на спине юноши.

— Тебе не понравился сегодняшний прием?

Цинь Юэфан больше всего на свете любил наблюдать, как человек у него под рукой заливается краской стыда, но при этом вынужден сдерживать смятение и отвечать на его бессмысленные вопросы.

Фан Еинь поджал губы и покачал головой.

Улыбка Цинь Юэфана стала чуть холоднее, и он негромко произнес:

— Я ведь уже говорил, что, когда мы вдвоем, нужно говорить словами.

Он сжал руку чуть сильнее, и от боли в глазах Фан Еиня выступили слезы.

Подняв голову, он посмотрел на него. Его глаза, затуманенные влажной дымкой, напоминали взгляд потерявшегося в лесу беззащитного олененка. Увидев выражение лица Цинь Юэфана, он поспешно открыл рот, и его голос, нежный и тонкий, дрогнул:

— Нет... я... м-м... я сейчас скажу.

Цинь Юэфан тихо рассмеялся, и его большой палец скользнул по мочке уха юноши. Фан Еинь невольно вздрогнул всем телом.

Низкий голос звучал пугающе соблазнительно:

— Твое нынешнее выражение лица... такое милое.

Горячее дыхание обожгло ухо.

Фан Еинь вытянул длинную шею, и напоследок в затуманенном зоре он успел заметить лишь то, как в черных глазах Цинь Юэфана промелькнул злорадный блеск удовлетворения.

На следующее утро, проснувшись, Фан Еинь почувствовал, что руки и ноги словно налились свинцом.

Он вроде бы пришел в себя, но голова кружилась, а тело горело.

Матушка Лю звала его несколько раз, но безуспешно. В конце концов, ей пришлось воспользоваться ключом, чтобы открыть дверь, и только тогда она обнаружила, что у Фан Еиня жар.

Окно со вчерашнего дня так и осталось открытым, а Цинь Юэфан полночи продержал его, раздетого, на диване. Организм Фан Еиня и без того был хрупким, так что болезнь была неизбежна.

Цинь Юэфан еще на рассвете уехал из города S в командировку в филиал компании, поэтому Матушке Лю ничего не оставалось, как позвонить и доложить о ситуации.

Вскоре пришел пожилой врач с сединой в волосах, измерил температуру и поставил капельницу.

После лекарств и процедур Фан Еинь провалился в забытие и пришел в себя только к вечеру.

Целый день он ничего не ел, и желудок сводило от голода. Фан Еинь медленно поднялся с кровати и спустился на кухню, надеясь найти хоть какую-то еду.

Приблизившись, он понял, что Матушка Лю еще не ушла.

Она стояла у плиты спиной к выходу, дверь на кухню была приоткрыта, и она, судя по всему, с

кем-то разговаривала по телефону.

— Да, господин, я надела на него одежду.

— Да, врач приходил, он его видел.

— Никаких эмоций, он был в бреду из-за болезни, думаю, ни о чем не догадался.

— Хорошо, господин, я поняла.

Услышав вторую фразу, Фан Еинь с бесстрастным лицом развернулся, отошел от кухни и вернулся на второй этаж.

Зайдя в свою комнату, он направился в ванную и замер перед зеркалом.

На него смотрел изящный, прекрасный юноша. Мягкие волосы спадали на плечи, кожа была белой, почти прозрачной, а глаза сияли, словно черные жемчужины. Казалось, это настолько хрупкое создание, что в нем нет ни капли воли к сопротивлению.

На нем была белая пижама, мягкая и приятная на ощупь, но в резком контрасте с этой чистотой на коже, выглядывающей из-под ворота, алели яркие следы.

Чистый и прекрасный юноша вмиг стал выглядеть порочно.

Внезапно на губах юноши промелькнула насмешливая улыбка, но уже через мгновение она сменилась выражением мучительной нерешительности.

Фан Еинь смотрел на свое отражение, словно примерял маски, одну за другой изображая те выражения лица, которые больше всего нравились Цинь Юэфану.

Все это было лишь ради того, чтобы наказать его, заставить почувствовать унижение, дать понять, что нашелся еще один человек, который знает о его положении пленника.

В эту игру в подчинение и дрессировку он наигрался еще в прошлой жизни.

<http://bllate.org/book/20422/2039909>